

МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

ВАЛЕРИИ РОЦИН

ГЛУБИННАЯ ЛОВУШКА

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!

Читай внутри условия акции-2011!

Морской спецназ

Валерий Роцин

Глубинная ловушка

«ЭКСМО»

Рощин В. Г.

Глубинная ловушка / В. Г. Рощин — «Эксмо», — (Морской спецназ)

Очередное испытание межконтинентальной баллистической ракеты «Молот» прошло неудачно. Отказавшая третья ступень упала в море Лаптевых. Ее необходимо найти и поднять из глубины – слишком важный и секретный компонент она содержит. Но направленное на поиски судно «Академик Антонов» бесследно исчезло... Тогда командование ВМФ России срочно посылает в район группу боевых пловцов «Фрегат» под командованием капитана второго ранга Евгения Черенкова. Прибыв на место, спецы обнаружили, что сверхсекретный компонент интересует далеко не только россиян...

Содержание

Часть I	5
Глава первая	5
Глава вторая	10
Глава третья	16
Глава четвертая	22
Глава пятая	26
Глава шестая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Валерий Георгиевич Роцин

Глубинная ловушка

Часть I

Кладоискатели

Глава первая

*Российская Федерация;
берег Черного моря*

Мой непосредственный шеф наконец-то сдержал данное в далеком прошлом слово и подарил мне маленькое счастье – краткосрочный отпуск. Шеф (большая шишка мелкого роста, генерал-лейтенант, но в генеральской форме я не видел его ни разу в жизни) и сам позабыл об отдыхе, потому претензий к нему не имею. Тем более что напоследок он преподнес бесплатную путевку от нашей «конторы» в тихое солнечное местечко под названием «Лечебно-оздоровительный комплекс «Витязь».

– Извини, – сказал он, прощаясь, – за границу отпустить не могу, ибо человек ты засекреченный – это раз; и оттуда при случае выдернуть сложнее. Это два.

Я настороженно поинтересовался:

– При каком случае, Сергей Сергеевич?

– Всяко бывает... – уклонился тот от прямого ответа. – Представь: являешься ты завтра утром в «Витязь», устраиваешься в роскошном номере, а на вечерней зорьке вдруг пиликает твой мобильный телефончик и приказывает моим строгим голосом срочно вернуться в Москву...

Вот такой у меня добрый, внимательный к подчиненным шеф. И ведь нисколько не покривил душой – нарисованный сценарий запросто способен воплотиться в реальность. Впрочем, пока все спокойно: мобильник оживает редко и отнюдь не голосом шефа.

А по заграницам я не соскучился. Мне не раз довелось отдыхать в Тунисе, Египте и прочих жарких странах, и если бы не с чем было сравнивать, то проведенное там время стало бы незабываемым. Но конфуз ситуации заключается в том, что в детстве и юности я с родителями и тренером по плаванию объездил практически все курорты Советского Союза. Вот это действительно незабываемо. Какую похерили красоту! Грузия, цветущая Абхазия, Закарпатье, Рижское взморье... От многообразия былого ассортимента осталась короткая полоска Черноморского побережья от Сочи до Анапы. Туда и лежит мой путь для осуществления давней заветной мечты – нескольких дней безмятежного отпуска.

Обширная площадь комплекса зажата на перешейке между волнами Черного моря и серой гладью многокилометрового лимана. На юго-восточном берегу лимана раскинулся поселок Витязево – ближайший к зоне отдыха населенный пункт. Чуть дальше – аэропорт Анапы, куда меня и привез небольшой самолет, принадлежащий «конторе». Сама Анапа в двадцати километрах, но там мне делать нечего. Там пышет жаром асфальт, шумно, суетливо и слишком много отдыхающих.

Здесь очень даже неплохо. Особенно в одноместном благоустроенном номере с холодильником, телевизором и кондиционером. По соседству со спальным корпусом расположены крытый бассейн, спортзал, теннисный корт, киноконцертный зал, парочка магазинов и даже ночной клуб. Здесь вообще есть всё необходимое для отличного отдыха. Половина этого «всё»

включена в стоимость путевки, за другую половину при желании можешь заплатить на месте. Хочешь в номер холодной водочки с маринованными грибочками – позови горничную и мягко намекни о своем желании; жеманно поведя плечиком, она тут же озвучит расценки. Полагаю, точно так же обстоит дело с осуществлением и других чисто мужских желаний. Капитализм, мать его.

Сие замечательное заведение построено на общенародные деньги господами из «Газпрома», символика которого встречается на территории едва ли не на каждом шагу. Осматривая и ощущая на себе все это великолепиие, в памяти раз за разом прокручиваются слова одной известной песенки: «...Ведь все-таки это наш общий газ, а мечты сбываются только у вас».

Одному тут тоскливо. Да и непривычно, когда рядом никого из друзей или коллег по службе. И совсем уж скучно без вездесущего любимца команды Босса – благородной помеси беспросветной дворняги с жутко породистой лайкой. Босс был крохотным щенком, когда на берегу Белого моря его подарила моей команде такая же кроха-девочка за то, что мы спасли ее тонущего отца. Вообще-то Босс – сокращенное имя, производное от Барбоса.

«Витязь» – лечебно-оздоровительный комплекс. Здесь полно разных врачей, процедурных и массажных кабинетов. Я здоров как африканский буйвол, но дабы не вызывать низменную зависть у простых смертных рабочих и служащих «Газпрома», записался на какие-то процедуры. В основном, конечно, на приятные.

Контингент в комплексе разнообразный. Тут и молодые пары, и супруги среднего возраста; стайки совсем юных девиц и группы шуплых юнцов; солидные господа с отвислыми животами и одинокие красавицы, томно стреляющие на поражение из-под густо накрашенных ресниц. Есть и несколько обычных российских старушек, получивших путевки по каким-то модным нынче социальным программам. Они безошибочно узнаются по вечным признакам: старомодная одежка, фирменная светлая косынка в горошек, деньги зашиты в необъятных трусах; утром полсотни процедур, после обеда крепкий сон, до ужина воспоминания молодости на лавочке у фонтана, после – обязательный просмотр сериала или передачи «Малахов+». Слава богу, долгое пребывание на солнце им противопоказано, поэтому на пляже их не видно.

Да, пляж у «Витязя» тоже имеется. Стоит пройтись по длинной и прямой, как стрела, асфальтовой дорожке, затем сделать триста шагов по обжигающему песочку, и вы у ласково шепчущих теплых волн. Здесь нет и намека на столпотворение, происходящее южнее – вдоль бойкой трассы, идущей от Анапы и до самой Абхазии.

На пляже замечательно. Все замечательно, кроме одной детали: почти неделю мирно отдыхающих граждан терроризирует своим присутствием одна и та же компания молодых людей из соседнего элитного гостиничного комплекса. Пьяный гогот, мат, тупые шутки... Короче говоря, заурядные современные недоумки – с родительскими деньгами, но без собственных мозгов.

* * *

Неделя пролетает жужжащим болидом «Формулы-1». Мысленно зачеркиваю в виртуальном календаре восьмые сутки пребывания в раю и по возможности растягиваю удовольствие: честно хожу на процедуры, а после пью пиво на пляже.

Сегодня отличная погодка: небо безоблачное, а от палящего солнца спасает легкий ветерок с Азовского моря. Лежу на песочке. Из одежды – тонкие шорты и солнцезащитные очки. Голову от пекла прикрывает желтая газетенка – то ли «Запоздалая мысль», то ли «Московский неврастеник». В день приезда нашел ее в холле спального корпуса. Сгодились...

Разок искупался. Теперь лежу на горячем песочке, почесываю слегка опухшую печень. Хотел было подремать, да не выходит: неподалеку опять мышинная возня в ширинке – бузит пьяная молодежь. Сначала затеяли футбол, потом пили пиво и переругивались с молодой мно-

годетной мамочкой, побитым жизнью мужчинкой и наказанной возрастом теткой. А сейчас взялись кидаться наполненными песком пивными банками. Пару раз банки падали рядом со мной; я приподнимал над лицом газету и многозначительно смотрел на косых балбесов. Не подействовало – в третий раз алюминиевая емкость тюкнулась об мой живот, подскочила и воткнулась в песок рядом с правой ладонью.

Все. Пора преподавать детишкам урок.

Принимаю сидячее положение, взвешиваю на руке «снаряд» и одновременно выбираю цель... В основной своей массе нынешняя молодежь походит на доходяг-стрекулистов, вскормленных сильно разбавленным водкой материнским молоком. Таких и подзатыльником угостить боязно – вышибешь последний мозг. Ага, вот этот подойдет – в огненно-красных шортах! Складный, высокий, загорелый. И голосистый – ржет как сивый мерин. Ну-ну, весельчак...

Банка летит по настильной траектории и глухо тюкает его по затылку. Смех разом стихает. Особливо пьяные и невыдержанные вскакивают. Через пару секунд в мою сторону решительной поступью направляется драчливая стайка. В атаку идут смело и почти красиво; возглавляет шествие весельчак с ушибленной головой. Просто находка для батальной киношной сцены. Разве что не достает протяжного «ура!».

Ах боже ж ты мой – вихри враждебные!

Медленно встаю, отряхиваю от песка шорты. И краем глаза замечаю резкую перемену в стане противника: скорость наступления падает, тупая злоба на перекошенных лицах сменяется опасливым сомнением.

Что ж, ожидаемая реакция. Я бы на их месте тоже засомневался в исходе сражения, увидев перед собой дядю под два метра ростом и весом сто десять килограммов. Причем вес этот сконцентрирован не там, где у некоторых болтается брюхо, а равномерно распределен по телу в виде рельефных мышц...

Пожалуй, самое время представиться.

Евгений Арнольдович Черенков. Русский. Капитан второго ранга, командир особого отряда боевых пловцов «Фрегат-22», находящегося в прямом подчинении руководителя одного из важнейших департаментов Федеральной службы безопасности. Руководитель – человек весьма занятой, поэтому «Фрегат» курирует тот самый шеф, который и генерал-лейтенант, и мой непосредственный начальник, и благодетель, подаривший путевку в рай.

Ребята из «Фрегата» – особая «каста» великолепно подготовленных бойцов. Почему «каста»? А потому что нас невероятно мало в сравнении с элитой сухопутных спецподразделений. Да и методика нашей подготовки являет собой тайну за семью печатями. Когда-то советским пловцам приходилось учиться у итальянцев и англичан, а сейчас эти господа не прочь позаимствовать кое-что из нашего опыта.

Забыл сказать: мне тридцать пять. Все правильно – тридцать пять, и я до сих пор выдерживаю тяжелейшие психофизические нагрузки боевого пловца или подводного спецназовца – кому как привычнее. Если бы мне довелось служить в рядах американских «тюленей» и выполнять задачи «Нэйви спешл», то последние года три-четыре я лежал бы на диване, поплеывал в потолок и вспоминал былые подвиги. При счастливом раскладе остался бы в строю с нашивками советника или инструктора центра подготовки командос, школы боевых пловцов или рукопашного боя. У них ведь там все по науке, а у нас голый энтузиазм...

Моя карьера стартовала в далеком детстве – в секции подводного плавания ближайшего к дому бассейна. Три раза в неделю мама приводила меня за ручку к огромному строению и сдавала под опеку тренеру – поджарому и добродушному Вениамину Семеновичу, так и оставшемуся на всю жизнь непререкаемым и самым большим авторитетом. Чуток повзрослев и окрепнув, я уговорил его взять меня с собой к теплому морю, где к простенькому снаряжению добавился акваланг. С тех пор я заболел морем и стал постоянным спутником Вениамина Семеновича в глубоководном дайвинге. Так постепенно легкое увлечение превратилось

в серьезную спортивную карьеру: я начал показывать неплохие результаты, пришли победы на различных чемпионатах и кубках.

Видно, там, на спортивных соревнованиях, меня и заметили кадровики из Комитета государственной безопасности – аккурат к окончанию средней школы поступило заманчивое предложение, и вскоре я оказался в питерском Высшем военно-морском училище, где ровно два года постигал азы военной службы с практикой на кораблях и подводных лодках.

КГБ тем временем реформировался и менял вывеску: КГБ РСФСР, АФБ, МБ, ФСК... К моменту моего перевода из военно-морского училища в закрытую Школу боевых пловцов, подоспел Закон «Об органах Федеральной службы безопасности Российской Федерации», на основании которого ФСБ становилась правопреемницей ФСК. Еще через два года, сдав последние экзамены, я получил лейтенантские погоны и был направлен стажером во «Фрегат-22».

Таким вот незатейливым образом спорт и хобби стремительно переросли в дело всей моей дальнейшей жизни.

Решительно шагаю навстречу компашке нетрезвых недорослей, чем окончательно деморализую их неокрепший дух. Они останавливаются и не знают, что делать дальше.

– Ты кто? – звучит робкий вопрос.

– Турук Макто! – подойдя вплотную, рычу поставленным командирским голосом. – Итак, школоты, бить я вас сегодня не буду – неэтично, да и в разных мы весовых категориях. Но проблема в виде вашего отвратительного поведения есть, и ее срочно нужно разрешить.

Набывчившись, парни смотрят исподлобья.

Продолжаю монолог:

– Раз возражений нет, предлагаю решить конфликт в море.

– Это как? – шурится Весельчак.

– Просто. Мы отплываем от берега на сотню метров и приступаем к выяснению отношений.

– Типа мы топим тебя, а ты нас?

– Для меня это слишком легкая задача, а для вас невыполнимая. Предлагаю унифицировать цель.

– Чего?..

– Унифицировать. Я один пытаюсь освободить от одежды всех вас, а вы все – одного меня. Побеждает тот, кто останется при своих штанах. Идет?

– А какую дань платит проигравший?

– Справедливый вопрос. Ну, скажем... везет на горбу победителя.

– Откуда и куда?

– Если вы проигрываете – везете меня отсюда до ворот «Витязя». Если остаюсь без штанов я, то по очереди тащу каждого из вас до ворот гостиничного комплекса. Устраивает?

В чьих-то молодых глазах загорается азартный огонек, кто-то зловеще хихикает. Условия кажутся пацанам симпатичными: от пляжа до «Витязя» гораздо ближе, к тому же их много, а я один.

На принятие решения у школоты уходит секунда, и мы гурьбой, расшвыривая брызги, несемся по теплему мелководью. Забежав в воду по пояс, ныряю и стремительно ухожу вдоль дна на глубину...

Вот она, моя родная стихия!

Без гидрокостюма и дыхательного аппарата я чувствую себя превосходно до глубины метров тридцать. Запросто могу нырять и глубже – пока здоровье подобные эксперименты снисходительно прощает. Но мне хотелось бы заниматься любимой работой еще лет пятнадцать, поэтому приходится себя беречь. Да и видимость в прибрежных водах Черного моря такова, что всякая надобность в столь глубоководном плавании отпадает.

Заняв удобную позицию у самого дна, поднимаю голову и прекращаю движение – экономлю расход кислорода. При этом отлично вижу мечущихся у поверхности пацанов. Выжидаю...

Ага, вот и первая жертва. Самый любопытный и нетерпеливый набрал в легкие воздуха и устремился вниз – навстречу своему позору. Давай-давай. А то я уж заскучал.

Отталкиваюсь от дна, пара мощных гребков – и малец в моих железных объятиях. Разок дергается, но быстро понимает, что лучше этого не делать. Молоток. Теперь урок номер два. Разжимаю объятия, но держу добычу за плавки – даю понять: ты свободен; одежду оставь, а сам плыви на все четыре стороны. Понимает. И ужом вылезает из собственных трусов. Да, чего только не сделаешь, когда грудная клетка разрывается от желания глотнуть воздуха...

Что ж, пора и мне прочистить легкие, а заодно показаться соперникам. А то подумают: утонул. Крепко сжимаю в кулаке первый тряпочный трофей и поднимаюсь к поверхности.

Наверху успеваю трижды вдохнуть свежий воздух, прежде чем слышу радостный возглас: – Пацаны, вот он!

– Серый, заходи слева! – тотчас командует голосистый Весельчак. – Антоха, Липа – давай справа! Мы с Пашкой ныряем!..

Как у них все серьезно!

Вновь скрывшись под толщей воды, легко ухожу от двух незадачливых пловцов, после чего сам перевоплощаюсь в охотника. Ближе других оказывается коротконогий приятель Весельчака – Пашка. Хватаю его за ногу и тащу вниз. Тот дрыгается так, словно попал в лапы гигантскому спруту. Сдергиваю с него шорты и отпускаю с богом.

Оглядываюсь по сторонам, а заодно оцениваю собственное состояние: смогу ли без передышки вывести из игры еще одного «карася»? Решаю попробовать...

Соревнование заканчивается минут через семь или восемь. Для полной и безоговорочной победы мне понадобилось еще дважды прочистить легкие. В третий раз я всплываю на отмели возле берега и спокойной походкой покидаю ласковое море. В моей руке мокрым жгутом болтается набор шорт и плавок – как говорится, на любой вкус и размерчик.

Меж тем на берегу толпится любопытствующий народ, болельщики и сочувствующие. За пацанов переживают три девицы в развратных купальниках, за меня – все обиженные и оскорбленные поведением молодого несмышленного поколения.

– Ну что, перхоть рекламная?! – обдаю ледяным взглядом стоящих по пояс в воде пацанов. – Готовы отвезти во дворец своего императора?

Молчат, паскудники.

Поднимаю пачку разноцветных трусов:

– Или хотите, чтобы я в ближайшем ларьке обменял эти трофеи на пиво?

– Отвезем, – доносится робкий голос.

– Как договаривались, – чешет свой ушибленный затылок Весельчак.

Его в наших подводных баталиях я оставил на десерт. Крепыш плавал лучше доходяг-друзей, сопротивлялся дольше – пришлось затащить его поглубже. Там он легко расстался со своими огненно-красными революционными шароварами. Правда, там же, на глубине, Весельчак слегка нахлебался – пришлось буквально выталкивать его наверх.

– Держите, – швыряю пацанам их вещички.

И спустя пять минут под аплодисменты молодой многодетной мамочки, побитого жизнью мужчинки и наказанной возрастом тетке толпа протрезвевших рабов несет меня по узкой асфальтовой дорожке к воротам лечебно-оздоровительного комплекса «Витязь».

С царской надменностьюзираю на мир сверху вниз.

Пожалуй, не хватает матерчатого навеса и опахала. А в остальном денек удался...

Глава вторая

Северодвинск – Белое море

Раннее северное утро. Солнце медленно по пологой траектории плывет над горизонтом, насквозь просвечивая костлявые конструкции спящих портовых кранов.

К подъезду гостиницы местное начальство прислало машину, но Анна Аркадьевна Воронеж решительно от нее отказалась. До проходной «Северного машиностроительного предприятия» двадцать минут неспешным шагом, вот и решила прогуляться, тем более что путь лежит сквозь нарядную заводскую аллею. Десять дней она живет в холодном северном городке. Десять дней контролирует подготовку к испытательному пуску «Молота» в качестве одного из представителей ФГУП «Воткинский завод». Контролирует и очень волнуется.

Почему? Все довольно просто.

Во-первых, ей неоднократно приходилось присутствовать на пусках баллистических ракет, но ранее ответственность была намного меньше.

Во-вторых, за созданной ракетой уже закрепилась, мягко говоря, не слишком хорошая репутация. Еще бы! Из одиннадцати пусков лишь пять были признаны относительно успешными, и всего один – безусловно успешным. Это, конечно, не нулевой результат и не катастрофа. Однако и удачей его назвать – язык не повернется.

И, наконец, в-третьих, два последних года Воронеж возглавляет производство одного из важнейших элементов третьей ступени, и она – третья ступень – ни разу с тех пор сбоев не давала. До того, как Анна приняла руководство, командный блок управления маневрированием третьей ступени часто отказывал, что приводило к катастрофам и отрицательным общим оценкам за испытания. Теперь – в течение двух лет – все идет хорошо. Поэтому молодая женщина и волнуется: не хотелось бы сегодня открыть счет своим собственным неудачам.

Прямая аллея остается позади. Впереди освещенное низким солнцем здание заводоуправления. Тяжелые двери парадного подъезда, бюро пропусков, хмурые беспристрастные лица охранников...

У турникета встречает молоденький инженер Александр Симонов, едва успевший пройти все проверки по линии ФСБ. Он коренной москвич и представляет здесь головного разработчика – Московский институт теплотехники. Анна знакома с ним около года, а объединяет двух специалистов третья ступень «Молота»: Симонов успел немного потрудиться над проектом, внося в него кое-какие изменения; Анна же давала ему кое-какие практические советы и воплощала данные изменения в готовое изделие.

Ей тридцать, молодому конструктору двадцать пять. Он не скрывает своей симпатии, но она строго выдерживает дистанцию и не дает ни малейшего повода для сближения.

– Здравствуйте, Анна Аркадьевна, рад вас видеть, – учтиво здоровается Саша и приглушенно докладывает обстановку: – Для устранения наших замечаний на борту «Донского» всю ночь работала бригада специалистов.

Воронец пожимает плечиками – нормально, так и должно быть. И деловито интересуется:

– Что с актами?

– Подписаны начальниками служб. Все готово для выхода в море.

– Прогноз погоды?

– Синоптики обещают удовлетворительную погоду по всему маршруту полета.

– Хорошо, – кивает молодая женщина.

Да, относительно своих научных заслуг и своего положения Анна молода. Для инженера, для доктора технических наук тридцать лет – это молодость, если не сказать «юность». К молодости следует прибавить врожденную интеллигентность и весьма приятную внешность.

Территория «Севмаша» раскинулась вдоль протяженной бухты. Цеха, стапели, пирсы, доки, краны, рельсы запутанной железнодорожной паутины... Представителям головного разработчика и завода-изготовителя необходимо попасть к пирсу, где дожидается эскадренный миноносец «Адмирал Ушаков» – один из двух надводных кораблей, обеспечивающих безопасность пуска баллистической ракеты с подводного ракетносца «Дмитрий Донской». Выход в море группы кораблей, участвующих в пуске, назначен на восемь утра.

– Переживаешь? – спрашивает Анна.

– Есть немного, – кивает спутник. – Как-никак первые испытания в моей жизни...

«Повезло тебе, – неприметно усмехается женщина. – А мне приходится наблюдать эту комедию со дня первой неудачи. До конца жизни не забуду 24 мая 2004 года, когда на нашем машиностроительном заводе взорвался двигатель для будущего «Молота». Затем последовали три расслабляющих успеха: «бросковый» подводный пуск весогабаритного макета и два успешных испытательных пуска натурального изделия. А с сентября 2006 года началась полоса неудач с крохотными проблесками надежды...»

– Привыкай, – останавливается Воронеж перед веткой железной дороги. – И гордись – благодаря вашему институту в стране появилось страшное оружие.

Мимо с грохотом проползает маневровый локомотив с парой прицепленных платформ.

– Вы так считаете? – не распознает сарказма Симонов.

– Конечно! Наш уникальный «Молот» задуман вовсе не для борьбы с врагами России.

– А для чего же?

– Разве ты еще не понял? Для эффективного и скорейшего уничтожения авторитета отечественного ракетостроения...

Они идут дальше.

О прямоте и категоричности суждений Анны Воронеж в среде ракетостроителей ходят легенды. Она может сказать все невзирая на лица, и это «все» ей сойдет с рук. Наверное, потому, что она не лезет в руководители, отгораживается от сомнительной чести быть чьей-то протеже и тщательно оберегает свою независимость. К тому же по праву считается талантливым инженером.

– Понимаю, – улыбается молодой человек. – Но позволю напомнить о том, что в неудачах «Молота» виноват не только Московский институт теплотехники.

Анна отмахивается:

– Шесть лет слышу один и тот же бред: «В создании «Молота» участвует около шестисот пятидесяти предприятий, разбросанных по всей России. Нас не в полной мере финансируют. Во всем виновата разруха и лихолетье девяностых...»

– Не любите вы наш институт, Анна Аркадьевна.

– А в моем трудовом договоре, Саша, о любви не сказано ни слова. Я обязана качественно выполнять свою работу, что и делаю изо дня в день...

С данным фактом не поспоришь. Воронеж отвечает за изготовление своеобразной фишки «Молота» – командного блока, задающего маневренным двигателям некий алгоритм работы, позволяющий обходить системы вражеской противоракетной защиты. Первые же испытания этой «фишки» дали потрясающие результаты. Мелкие недочеты, конечно, нашлись (куда ж без них!), но в целом работа подразделения Анны Воронеж получила высочайшую оценку.

– ...А вот насчет моей нелюбви к Москве и москвичам ты подметил верно, – с усмешкой на тонких губах продолжает она. – Там, где появляются москвичи, надолго пропадает здравый смысл и остается голая, отвратительная коммерция.

– По-моему, вы перегибаете...

– Перегибаю?! Тогда объясни, зачем ваш институт перехватил контракт на создание ракетного комплекса «Молот» у Уральского КБ имени Макеева? Вы делали комплексы назем-

ного базирования, уральцы всю жизнь занимались баллистическими ракетами для подводных лодок. Какого черта вы влезли?

– Но вы должны...

– Я ничего не должна! Равно как и рядовые граждане России, оплачивающие каждый неудачный пуск нашего общего детища, которое, не успев родиться, уже по всем статьям проиграло американскому «Трайденту».

До серого бетонного пирса, к ровному краю которого пришвартован «Адмирал Ушаков», остается шагов триста.

– На мой взгляд, Анна Аркадьевна, у вас чересчур жесткая позиция.

– Не спорю. Потому что в вопросах, касающихся безопасности нашей страны, она должна быть жесткой и холодной, как айсберг. Уральцы строили нормальные ракеты морского базирования и ни на что не жаловались. Вы же отобрали у них работу, и теперь вам постоянно что-то мешает: то некачественные пиропатроны, то дефекты в рулевом агрегате, то мистические американские средства радиоэлектронной борьбы на Аляске и в Гренландии. Дай-ка руку...

Симонов помогает спутнице перейти по хлипкой деревянной лесенке, перекинутой через несколько толстых металлических труб. Ступив на землю по другую сторону трубопровода, Воронеж останавливается.

– Что случилось? – спрашивает молодой человек, поглядывая на часы.

И вдруг понимает, куда она смотрит.

А смотрит Анна на бухту. По темной с серебристыми бурунами глади бесшумно и с величественной неторопливостью движется тяжелый ракетный подводный крейсер стратегического назначения «Дмитрий Донской». Через несколько часов ему предстоит произвести пуск баллистической ракеты «Молот».

Любуясь профилем одухотворенного женского лица, Саша невольно вздыхает. Да, Воронеж во многом права...

* * *

Солнце по той же пологой траектории медленно приближается к горизонту. До начала белой ночи остается около двух часов.

Корабли только что прибыли в район испытательных пусков баллистических ракет в акватории Белого моря. «Дмитрий Донской» на небольшой глубине; в паре километров от него дежурят два военных корабля, обеспечивающие испытательный старт многострадального «Молота».

На левом крыле ходовой рубки эсминца толпится народ: представители КБ, «Воткинского завода», ФСБ, Министерства обороны, Главкомата ВМФ и, конечно же, парочка вездесущих операторов, допущенных к съемке секретного материала. Взгляды устремлены на акваторию Белого моря. Все ждут...

– Сколько до пуска? – тихо спрашивает Анна.

– Три минуты до начала отсчета.

– Волнуешься?

Саша поднимает воротник легкой куртки.

– Еще как...

В томительном ожидании тянутся секунды...

Наконец посреди спокойной морской синевы вырастает высокий белый столб. Из столба появляется и на секунду замирает сигарообразное тело ракеты. Тут же включается маршевый двигатель первой ступени: газы реактивной струи, смешанные с водяным паром, раздаются в стороны, стелются над водой. Столб озаряется оранжевой вспышкой и растет, словно не желая

расставаться с ракетой. Вырываясь из плена вспышки, «Молот» набирает скорость, выравнивает пологую траекторию и устремляется на восток.

– Каковы впечатления? – интересуется Анна.

Молодой конструктор наблюдает за ракетой в бинокль и молчит. Лицо бледно, губы что-то шепчут; пальцы, сжимающие оптический прибор, белеют от напряжения...

Ракета достигает редких перистых облаков и скрывается из виду.

На крыле ходового мостика раздаются жиденькие аплодисменты и несколько восторженных выкриков в честь успешного завершения одного из важнейших и в то же время одного из самых аварийных этапов – подводного пуска.

Да, пуск прошел успешно, но торжествовать преждевременно. Пять с половиной тысяч километров, разделяющие акваторию Белого моря и Камчатку, ракета преодолет за четырнадцать минут. Однако первая благая весть с камчатского испытательного полигона РВСН «Кура», куда третья ступень обязана забросить боеголовки, может подоспеть лишь минут через тридцать. Эта весть не гарантирует торжества конструкторской и инженерной мысли. Телеметрическая информация о движении ракеты будет расшифровываться довольно долго, и только полностью обработанные материалы расскажут специалистам о подробностях испытательного полета.

А пока создателям «Молота» и ответственным лицам придется довольствоваться сообщениями общего характера с постов слежения, расположенных вдоль траектории полета. Высота, скорость, курс. Не более того.

– Обалденные впечатления! – опускает бинокль Саша. – Как она красиво вышла из-под воды! А как мощно рванула вверх! Нет, вы видели?..

– Видела-видела, – посмеивается Анна, – раз десять уже видела.

– А я бы не прочь посмотреть повтор.

– Насмотришься, – убежденно говорит молодая женщина, застегивая полы куртки, – что-то здесь становится зябко. Не находишь?..

Командир эсминца будто слышит эти слова. Выйдя из ходовой рубки, он вежливо приглашает важных гостей спуститься в кают-компанию. Шумно обсуждая подводный старт, народ выстраивается у трапа...

– Классно! Я очень благодарен вам, Анна Аркадьевна! – оглядывается на крутых ступенях Симонов.

– За что?

– За вашу просьбу, адресованную руководству института, прислать меня сюда.

– Просьба продиктована исключительной необходимостью пребывания здесь конструкторов. И вообще... На вашем месте я бы не строила иллюзий, а смотрела под ноги.

– Да-да, Анна Аркадьевна, конечно... Одного только не понимаю...

– Чего именно?

– Зачем понадобилась эта чудовищная спешка? Для чего готовить подряд несколько пусков?..

Сформулировать до конца вопрос инженер не успевает – женская ножка в модельной туфельке легонько пинает его под зад и сбивает ровное течение мысли. Вновь обернувшись, он натывается на гневный взгляд доктора наук.

Виновато шмыгнув носом, Симонов бурчит:

– Простите. Они нас торопят, а потом сами же обвинят в очередной неудаче.

– Так и будет, – опираясь на любезно поданную руку, ступает на палубу женщина. – Если ты желаешь работать в окружении исключительно умных людей – найди дело, не связанное с политикой и властью. Займись, к примеру, изготовлением матрешек или разведением огурцов в теплицах.

По трансляции звучит команда приготовиться к бою и походу, а по телу эсминца прокачивается легкая дрожь. Это означает, что ракетный пуск с борта «Дмитрия Донского» прошел успешно, и корабли сопровождения берут курс на базу.

* * *

Два офицера вешают на стене кают-компания огромную карту Российской Федерации с начертанной синей дугой – траекторией полета «Молота».

– Прошу размещаться, товарищи. Устраивайтесь где кому удобно, – распоряжается радушный хозяин эсминца. – Сейчас вестовые предложат вам горячего чаю с бутербродами.

Вскоре на синей дуге появляется первая отметка, и кто-то громко объявляет:

– Параметры траектории после пяти минут полета отработываются штатно.

Матросы в безукоризненно белой форме разносят чай, тарелочки с выпечкой и бутербродами.

У карты периодически появляется офицер спецсвязи. Заглядывая в планшетный блокнот, он передвигает вдоль синей линии темно-красный значок, олицетворяющий многострадальный «Молот».

Ракета успешно миновала Новую Землю, что в тысяче километрах от точки старта.

– Как думаете, долетит? – цедя горячий чай, спрашивает Саша.

– Некорректный вопрос, – спокойно глядя в открытый иллюминатор, отвечает Анна.

– Почему?

– Не знаю, как вы, конструкторы, а мы, изготовители, суеверны. Поэтому никогда не загадываем общий результат.

Отработала первая твердотопливная ступень, включилась вторая. Значок прилично переместился на восток вдоль северного побережья России.

– Удивляюсь вашей выдержке! – качает головой молодой инженер.

– Поешь. Сытость помогает успокоиться.

– Не могу. Кусок в горло не лезет. Кстати, в каком районе полностью отработывает вторая ступень?

– Над Таймыром...

– «Молот» успешно пересек воздушное пространство над Карским морем, – информирует офицер спецсвязи и придвигает значок вплотную к полуострову Таймыр.

Пройдена ровно половина полетной траектории. Вроде бы все идет по плану: курс и высота полета – заданные; скорость, судя по времени прохождения контрольных ориентиров, также в пределах допустимой нормы. Однако напряжение заметно нарастает.

Тянутся томительные минуты...

Офицер связи почему-то задерживается с очередным визитом – ракета должна быть над морем Лаптевых, а значок по-прежнему приколот к изображенному на бумаге Таймыру.

Саша вопросительно смотрит на Анну Аркадьевну и впервые подмечает в ее серых глазах беспокойство. Тщательно спрятанное, контролируемое и тем не менее – беспокойство.

Наконец не выдерживает кто-то из ответственных шишек и выбегает за дверь кают-компания. И сразу же возвращается в сопровождении офицера. Тот бесстрастным голосом извещает:

– Отказ третьей ступени.

– Черт! – грохает кулаком по столу чин из Министерства обороны.

– Надо же... Прошла большую часть траектории, – промокая платком толстую шею, говорит представитель Главкомата ВМФ.

– Вот уж никак не ожидал от третьей ступени... – чешет затылок кто-то из высокопоставленных представителей ВПК.

Настроение ответственных лиц моментально падает. Позабыв о чае и бутербродах, мужчины хмуро глядят на двух младших офицеров, снимающих со стены громадную карту...

Симонов то бледнеет, то покрывается испариной. Вдруг спохватывается:

– Вы куда?

– Сиди здесь, – не оборачиваясь, бросает Воронец, – сейчас вернусь...

Офицер спецсвязи исчезает в небольшой рубке за дверью с надписью «БЧ-4».

– Прошу извинить, – без приглашения врывается женщина во владения боевой части. – Вы не могли бы показать на карте место падения «Молота»?

– А вы, простите, кто? – сухо спрашивает офицер.

– Представитель изготовителя. Моя группа занималась третьей ступенью и мне... мне необходимо знать, на каком этапе работы ее двигателя произошел сбой.

Звучит не очень убедительно.

– Пожалуйста. Прошу вас, – касается Анна руки офицера, – для меня это очень важно.

Другое дело. Женская обаяние – великая сила.

Офицер подводит гостью к планшету с картой и очерчивает карандашом на прозрачном плексиглазе приличный круг в северо-восточной части моря Лаптевых.

– Предположительно здесь. Более точных координат нам не передавали.

Вздыхнув, Воронец благодарно кивает и возвращается в кают-компанию...

Глава третья

Анапа – Москва – Североморск – Норвежское море

Я подозревал, что мне не дадут спокойно догулять подаренный господом крохотный отпуск.

Вам известно, что у акул на поверхности головы имеются особые рецепторы, реагирующие на электрический заряд? Их чувствительность невероятна. Ученые считают, что если бы в море не возникало искажений и помех, то акула благодаря этим чудо-хреновинам обнаруживала бы движение добычи или наличие заряда в полтора вольта на расстоянии до пятисот миль. Да-да, вы не ослышались – на расстоянии до пятисот миль.

Так вот, у меня тоже есть похожие рецепторы. Можете смеяться, но где-то в дальних закутках моего подсознания с детства обитает некий безотказный набор шестеренок, замечательным образом предсказывающий грядущие события. Кажется, это называют предвидением. Или предчувствием – точнее сформулировать не могу. Хорошая, между прочим, штука! Несколько раз этот «шестереночный механизм» спасал мою шкуру, и я чрезвычайно ему признателен. В другие моменты, не связанные с риском для жизни, механизм тоже работает без сбоев – достаточно прислушаться к самому себе, и он правдиво поведаст о ближайшем будущем. Но с одним неизменным условием: если ты трезв и не настроен прикончить самого себя.

Короче, я вдоволь наплавался в море, належался на горячем песочке, выпался и отъелся. Я был свеж, бодр и готов к половым приключениям, но при этом подспудно ожидал звонка от шефа.

Подлый мобильник запиликал в самый неподходящий момент, когда я справился с последней пуговицей шелкового халатика самой молоденькой местной горничной и переключился на застёжку лифчика, прикрывавшего ее роскошную грудь. Узнав высветившийся номер, я приостанавливаю обнажение женского тела и нажимаю на зеленую кнопку. Девчонка завелась и не помышляет о тормозах: целует меня в шею, называет безлошадным принцем...

– Подожди, радость моя, – я прижимаю телефон к другому уху.

– Привет, Евгений, – доносится знакомый голос. – Мне льстит такое обращение, но хотелось бы чего-нибудь более традиционного.

– Извините, Сергей Сергеевич, это я не вам. Здравия желаю.

– Ну, здравствуй-здравствуй. Рад, что не теряешь времени даром. Опять бездельничаешь?

– Лень в молодости, товарищ генерал, – залог здоровой старости.

– Жаль, не знал этого раньше... Как отдохнул?

– Некоторые плюсы у кризиса имеются: похудел, поумнел, выпался. Отдохнул на девяносто два процента. А сейчас вкалываю, как вы успели заметить.

– Всем бы так вкалывать, – завистливо вздыхает шеф. И вдруг спохватывается: – Вот те раз! Как это на девяносто два?! Ты уже десятые сутки геморрой на песке греешь!

– Правильно, десятые. А путевка на двенадцать!

Генерал быстро распознает мои шутки, но продолжать в том же ключе не намерен. Он просто переходит к делу.

– Вот что, дружище: я выслал за тобой самолет. Через час он будет в Анапе. Так что прощайся со своей радостью и пакуй вещички...

Слова генерала звучат эпитафией моему отпуску. Через час борт приземлится в аэропорту Анапы, еще час экипажу понадобится на заправку и подготовку к вылету. Не так уж много у меня остается времени. Как говорится: бог дал, бог и взял.

Звонко шлепаю девчонку по заднице, поднимаю и подаю упавший на пол халатик. И грустно смотрю ей вслед... Жаль. Она была ключевым звеном в программе прощальных развлечений.

– Понял, Сергей Сергеевич. И куда же Отчизна приказывает мне прибыть?

– Для начала в Москву – в мой кабинет. Остальное узнаешь на месте. До встречи, флибустьер-развратник.

Вот такие дела. Стою посреди номера, слушаю короткие гудки и почесываю разбитое сердце.

* * *

В столице я пробыл пять часов. Ровно столько понадобилось, чтобы доехать от аэропорта до «конторы», встретиться и переговорить с шефом, наскоро пообедать с ним в кафе на первом этаже мрачного серого здания на Лубянке и снова умчаться в аэропорт, где у трапа того же небольшого «конторского» самолета дожидалась родная команда.

Первым меня заметил и стремглав бросился навстречу Босс.

Правильно говорил мой папа: собаки – самые лучшие представители человечества. Для собаки не имеет значения, сколько зарабатывает хозяин, в каком районе он живет и на какой машине ездит. Ей плевать на его статус в обществе, на его одежду и обувь. Для нее он всегда будет самым добрым и любимым существом на свете.

Выражая любовь и преданность, Босс едва не сшиб меня с ног. Тут подоспели и парни. Давние друзья: Георгий Устюжанин, Борис Белецкий, Миша Жук; с ними и более молодые коллеги: Золотухин, Хватов, Фурцев. Объятия, крепкие рукопожатия, вопросы...

Короче, пять минут бардака и всеобщей радости.

Перед загрузкой в салон я замечаю подруливший на соседнюю стоянку точно такой же небольшой и комфортабельный лайнер. Вижу открывшуюся дверцу и спускающуюся по ступеням короткого трапа красивую женщину лет тридцати в сопровождении молодого взъерошенного парня.

– Понравилась, командир? – шепчет Устюжанин.

– Пока не пойму.

– Ничего девушка, – оценивает Белецкий, – только взгляд слишком строгий.

Устюжанин и Белецкий – мои старые друзья. Первому тридцать четыре; он капитан второго ранга и мой заместитель; вдумчивый специалист, примерный семьянин. Второй на три года младше, капитан третьего ранга. В глубине души он тоже очень верный муж, но душа глубоко, а член-то снаружи... Оба – опытные пловцы и надежные товарищи.

– Взгляд, говоришь? Не заметил... Я ее стройные ножки рассматривал, – провожаю взглядом уносящуюся вдоль самолетных стоянок машину. – Кстати, вы мои шмотки взяли?

– Обижаешь, начальник. Вон твои сумки красуются рядом с нашими.

– Тогда по коням.

После взлета парни достают из закровов хороший коньяк, салями, лимончик, шоколад. Я принимаю для порядка сто миллилитров и, устроившись в широком кресле у окна, закрываю глаза. Нет, спать уже не хочется – на берегу Черного моря я отоспался на пару месяцев вперед. Просто по давнему обыкновению дословно вспоминаю разговор с шефом и спокойно обдумываю предстоящую работу. Парни знают о моей привычке и не беспокоят. Только Босс изредка подходит проведать и нахально тычет мокрым носом в ладонь...

Итак, чем же огорошил меня в московском кабинете Сергей Сергеевич? А огорошил он историей со старыми корешками, но со свежими цветочными почками.

В годы Второй мировой войны в нейтральных водах, в пятистах милях северо-западнее Мурманска, затонуло транспортное судно под британским флагом с грузом нашего золота.

Кажется, это золото было частью оплаты Советского Союза за технику, боеприпасы и сырье, поставляемые Соединенными Штатами в рамках ленд-лиза. Арктический конвой «QR-6» вышел из Мурманска 24 января 1942 года и по пути был рассеян налетами немецкой авиации. В итоге конвой потерял несколько судов, прежде чем основная его часть добралась до берегов Шотландии.

Это предыстория, далекая и с множеством темных пятен. Так вот, одно из таких «пятен» дотошным британцам удалось недавно вывести: спустя почти семьдесят лет они обнаружили на дне Норвежского моря свое затонувшее судно. И надо сказать, поступили по-джентльменски, предложив своими силами поднять золото и поделиться с нами в соотношении фифти-фифти.

– Что за эпидемия честности? – поинтересовался я, сидя в кабинете у шефа. – Вечно ненавидящие Россию англичане – и вдруг «пятьдесят на пятьдесят»! Они же могли поднять золото одни. И так, что мы никогда бы о нем не узнали.

– По поводу честности фантазировать не буду. Просто британцы не желают рисковать в одиночку.

– Не понял. А в чем заключается риск?

– Деликатность ситуации состоит в том, что останки судна покоятся на дне моря в норвежской экономической зоне.

Интересно девки пляшут!.. Я в недоумении смотрю на генерала: он ничего не перепутал? Зона территориальных претензий, где прибрежное государство нагло накладывает лапу на любую находку, представляет собой полосу шириной в двенадцать миль. А дальше – на континентальном шельфе или в двухсотмильной экономической зоне согласно международному праву суверенитет распространяется лишь в отношении разведки и разработки естественных богатств, а также в области охраны морской среды. Ценности, извините, сюда не входят. Они, как правило, делятся между нашедшим их счастливымчиком, хозяином (если тот объявился и доказал свои права) и компанией, осуществляющей подъем (это очень недешевое удовольствие, особенно при большой глубине).

– Понимаешь... – морщится Сергей Сергеевич, – если придать находке огласку, затянуть подъем, то норвежцы приплетут Найробийскую конвенцию об удалении затонувших судов – в ней есть за что зацепиться. Последуют вялые споры, нудные выяснения, дипломатическая канитель... Поэтому мы согласились с предложением британцев тихо и без проволочек поднять золото, поделить его и разбежаться. Будто там никогда и ничего не было.

Что ж, наверное, это правильно. Да и не мне решать подобные вопросы.

– А разве золото до сих пор принадлежит нам? – спешу я развеять последнее сомнение.

– По договору оно переходило в собственность американцев в момент доставки в порты формирования конвоев. Таковыми портами являлись: Рейкьявик, Ливерпуль и военная база «Loch Ewe» в Шотландии. Если ценный груз по каким-то причинам не доставлялся в эти порты, то нашей стране приходилось компенсировать его полную стоимость. Так что по всем законам, если не брать в расчет возможных возражений Норвегии, оно наше.

Суть предстоящей операции предельно понятна. Поднимать золотые слитки подрядилась британская компания «Marine Exploration», много лет специализирующаяся на подобной работе. Наша сторона отправляет к месту подъема сторожевик для охраны британского судна. На мою команду возложена обязанность обеспечения безопасности водолазов.

Покончив с объяснениями, генерал устало откидывается на спинку огромного кожаного кресла.

– Задача ясна?

– На девяносто два процента.

– А восемь куда подевал?

– Погрешности видимости из-за фитопланктона.

Старик улыбается и подает на прощание руку.

Открываю глаза и смотрю на стрелки часов. Судя по времени, скоро должны приземлиться на военном аэродроме Североморска.

Приняв немного коньячку, парни успокоились и мирно спят.

Свою норму каждый из них отлично знает; беспросветно или сильно пьющих в моей команде нет и никогда не будет. Тяжелая и сопряженная с постоянным риском работа боевого пловца требует великолепного здоровья и столь же великолепного физического состояния. А совмещать это с большими дозами алкоголя попросту невозможно.

Снижаемся.

Вместе со мной почувал перемену и скорую свободу Босс. Подняв большую голову, он вопросительно смотрит на меня. Обычно таким выразительным взглядом он извещает о необходимости прогуляться на улицу по неотложным делам.

– Потерпи, дружище, – треплю его жесткую холку, – скоро выйдем на воздух. Пока перегрузим наше снаряжение в машину, ты десять раз успеешь окропить шасси этого пепелаца. Потом нас довезут до пирса и разместят на каком-нибудь небольшом военном корабле. На кораблях-то тебе привычнее, верно? Тебе, исходя из морского опыта, давненько следует присвоить звание «главный корабельный старшина».

Слегка наклоняя голову то влево, то вправо, Босс не сводит с меня умного внимательного взгляда. Похоже, он согласен на все. Лишь бы поскорее справиться нужду и не отстать от родной команды...

* * *

Мои предположения опять сбылись до мелочей, и дело не в «механизме шестеренок», а в обычном опыте. Просто мне и команде «Фрегата» неоднократно приходилось действовать по аналогичной схеме: внезапный вызов к шефу, краткая постановка задачи, стремительная поездка в аэропорт, дальний перелет с посадкой в одном из портовых городов России, погрузка на военный корабль. Ну и, конечно же, поход на этом корабле до точки предстоящей работы. Случались и другие схемы – более изощренные в части, касающейся нашего передвижения к месту действия. Но об этом в другой раз, а происходящее с нами сегодня – буднично и привычно.

Итак, долгожданная посадка.

Забив кормовую часть автобуса сумками со снаряжением, баллонами с дефицитной гелиево-кислородной смесью, столь же дефицитными регенеративными патронами, специальными коробками с оружием, мы дружно рассаживаемся поближе к водиле. Оружие мы всегда возим с собой. Во-первых, из-за его необычности – где попало таким не обеспечат. Во-вторых, нам доверяют – каждый прошел сотни проверок по линии ФСБ. Наконец, в-третьих, самолеты, на которых нас перебрасывают поближе к районам предстоящих работ, как правило, тоже принадлежат Федеральной службе безопасности.

Едем в сторону Кольского залива. Парни зевают и не проявляют интереса к окружающим пейзажам. Они многократно бывали в здешних краях, да и смотреть тут особенно не на что – в северном «ландшафтном дизайне» даже летом недостает яркости и сочности красок. Один Босс, сделавший свои дела на аэродроме, довольно стучит хвостом по резиновому полу и с интересом смотрит в окно. Трижды ему довелось прилетать сюда вместе с нами – вполне возможно, узнал знакомые места или вспоминает, как обхаживал здешних лохматых сук.

Пять минут трясемся по плохой дороге от аэродрома до окраины Североморска. С четверть часа петляем по улочкам городка и подъезжаем к морскому вокзалу. Короткая остановка у КПП военно-морской базы. Вглядываюсь в здание контрольно-пропускного пункта... Оказавшись когда-то здесь впервые, прочитал интересную табличку на стене одного строения:

«Собаки, африканские слоны, рыси и военнослужащие в смешанной форме одежды на территорию эскадры не допускаются».

А еще увидел знакомое лицо: от КПП легкой трусцой к нам бежит командир бригады надводных кораблей – долговязый капитан первого ранга с весьма подходящей для флота фамилией Лоцманов.

Юрий на пару лет постарше меня. Команда «Фрегата» неплохо с ним знакома, он неплохо знаком с командой, за исключением молодого старлея Фурцева, попавшего к нам около года назад. Комбриг приветствует каждого крепким рукопожатием, треплет холку Боссу, называет водиле номер причала и садится рядом со мной.

Едем вдоль моря, плавно огибая мыс...

– Как дела, Женя? – интересуется комбриг.

– Нормально. Работа в последнее время появилась. Жить стало интереснее. А что у тебя в бригаде?

– А!.. Новых кораблей почти нет, а старые дольше у стенок стоят, чем в море ходят, – машет он широкой ладонью. – Совсем измучились с ремонтами. Одно сделаешь, другое летит – железо тоже имеет свой срок. А командир нашей оперативной эскадры только и делает, что дрючит подчиненных на совещаниях! Ты ж его знаешь...

Да, о комэске я слышал. Мужик он вроде деловой и требовательный, но с невероятно завышенным мнением о своем интеллекте и чувстве юмора. Взять, к примеру, такой перл: «Если понадобится, товарищи офицеры штаба, то при проведении итоговой проверки на кораблях вы обязаны закатать рукава повыше и покопаться в дерьме поглубже, для более полного освещения обстановки. И знайте: копаться в дерьме – не стыдно. Стыдно получать от этого удовольствие...» Или такой: «А почему начальник физподготовки скучает на нашем празднике жизни? Что, радость моя, голова болит, во рту нехорошо и работать неохота? Так это – ярко выраженные признаки беременности! Это вам и начальник медслужбы эскадры подтвердит. Видно, начфиз не-внимательно изучал памфлеты госпожи Лаховой по проблемам планирования российской семьи...»

Иногда я с горечью вспоминаю книги и фильмы о блестяще образованных, воспитанных, интеллигентных офицерах царского флота и тихо радуюсь тому, что попал служить в ФСБ...

– Понятно, Юра. А кто идет с нами старшим на борту?

– Меня отрядили от флота.

– Это хорошо. Постой... Значит, будет еще кто-то?

– Четыре хмурых «пиджака»...

«Пиджаками» мы называем гражданских. Беда с ними. Особенно с хмурыми. Сидит такой неразговорчивый бирюк в каюте и никуда, кроме гальяна и кают-компания, не ходит. Постепенно привыкаешь к этому беззвучному существу и напрочь перестаешь замечать. Ноль. Пустое место на стенке. Люстра без лампочки. Ботинок без шнурка. Все запросто при нем матерятся, травят неприличные анекдоты, ругают власть за воровство и тупость, и все такое... А потом выясняется, что бирюк председательствует в каком-нибудь комитете Госдумы или заправляет Аппаратом президента. Ощущение не из приятных. И вроде ничего крамольного ты не делал и наказывать тебя не за что, а все одно противно – будто во сне оптом продал врагу все военные тайны.

Слева один за другим остаются длинные пирсы с пришвартованными к ним боевыми кораблями и судами обеспечения.

– Юра, из какого ведомства «пиджаки»? – спрашиваю у Лоцманова.

– Точно не знаю. По-моему, из Министерства иностранных дел. Наверное, для общения с британцами.

Вскоре комбриг приказывает водителю остановиться.

Спрыгиваем на асфальт. Мишка Жук читает надпись на трапе:

– «Стойкий». Если не ошибаюсь – сторожевик?

– Точно так, – улыбается Юрий. – Все приготовлено, команда нас ждет.

После пары зычных окриков местного начальства по трапу сбегает команда матросов и быстренько перетаскивает наш несусветный по объему багаж в специально отведенные корабельные помещения. Ну а мы в сопровождении командира корабля и Лоцманова идем размещаться в каютах. После размещения радушные хозяева приглашают пройти в кают-компанию, где для нас приготовлен ужин...

Да, что ни говори, а приятно, когда тебя считают профессионалом высочайшего класса!

За ужином слышим строгий голос вахтенного офицера, объявляющего экипажу готовность к бою и походу. Звенят пудовые коридорные звонки – так называемые «колокола громкого боя»; по металлическим палубам громяхают тяжелые «гады» – своеобразного вида матросская обувь; корпус судна содрогается от набирающей обороты машины.

– Знать, британцы на подходе к Норвежскому морю, – прихлебывая чай, говорит Устюжанин, – коль мы в ночь срываемся в море.

Молчу. Какая нам, к черту, разница? Да и ночи здесь в июле – одно название. По расписанию должна быть темень, а на деле светло-серые сумерки. Ничего не поделаешь – полярный день: солнце подобно мячику скачет по горизонту и не может толком за него закатиться.

Север. Мать его ртутным столбом...

* * *

Следуя полным ходом, к десяти часам следующего дня «Стойкий» преодолел триста семьдесят морских миль и прибыл в район встречи с британцами. Район находится в пятидесяти километрах к северу-востоку от знаменитого Нордкапа – высокого скалистого мыса на острове Магерё, считающегося самой северной точкой континентальной Европы.

Небольшое судно «Odyssey», принадлежащее британской компании «Marine Exploration», встречает нас тремя протяжными гудками. «Одиссей» похож на российские водолазные морские суда серии «ВМ», однако превосходит их водоизмещением, степенью специальной оснастки и размерами бортового крана. Мы отвечаем тем же приветствием и, отдав якоря, встаем неподалеку. Работаем в режиме радиомолчания, дабы не привлекать раньше времени норвежских пограничников и службы радиоперехвата.

Первым делом боцманская команда сторожевика спускает на воду катер. В его нутро усаживаются «пиджаки», к штурвалу встает мичман, и катер шустрит по волнам в сторону «Одиссея». Переговоры длятся всего десять минут, после чего британцы готовят оборудование и водолазов к погружению.

Готовимся и мы...

Глава четвертая

Москва

– Анна Аркадьевна, вы обратили внимание на пассажиров соседнего самолета? – интересуется Саша. В голосе звучат нотки восхищения.

– Да, обратила. Крупные личности.

– Интересно, куда они собираются лететь?

– А тебе какая разница?

– Ну, так... для общего развития. Хотелось бы знать, где обитают такие накаченные ребятки.

– Где-где... Там же, где их хозяева.

– В каком смысле? Какие хозяева?

– Обычные. Олигархи, миллиардеры, мультимиллионеры и прочая отрыжка капитализма. Скорее всего, эти монстры – их охранники. Кстати, вы говорили о машине, – оборачивается Анна к сопровождающему мужчине в штатском. – Где она?

– Нас встретят у выхода с летного поля.

– И куда мы поедем?

– Известно куда. На Лубянскую площадь.

– Замечательно. Там еще не бывала. А моего коллегу до Института теплотехники по пути не подбросим?

– Где он находится?

– Я думала, вы знаете все. Саша, как лучше доехать до твоего института?

– По Ленинградскому шоссе до МКАД, потом по Дмитровскому до Отрадного.

– Подбросим, – соглашается фээсбэшник.

Каблучки модельных туфель часто стучат по асфальту. Анна не переносит информационного тумана, неопределенности и прочих непоняток, поэтому спешит прояснить ситуацию с приглашением (или вызовом?) в один из департаментов Федеральной службы безопасности. Собственно, тучи над Анной сгустились еще в Воткинске. Уже там, в процессе подготовки баллистической ракеты к двенадцатому испытательному пуску, сотрудники ФСБ проявили к ее персоне повышенный интерес: то настойчиво приглашали в Управление по Удмуртской Республике, то приезжали сами и подолгу беседовали с ней при закрытых дверях. Мало кому из окружения Анны было известно об этих контактах; а те, кому она доверяла, деликатно обходили неприятную тему. Ничего этого Симонов, конечно, не знал. А в Северодвинске, при сходе по трапу с борта эсминца «Ушаков», он нос к носу столкнулся с двумя подозрительными типами в штатском, что привело его в полное замешательство.

– Простите, вы – Воронеж Анна Аркадьевна? – отодвинув его в сторону, приглушенно спросил один из них.

– Да, – устало вздохнула молодая женщина. – Чем обязана?

– Вы не могли бы уделить нам несколько минут? – показал один из них удостоверение.

– Опять вы. Пожалуйста...

Результатом недолгой беседы стали быстрые сборы в гостиничном номере и скорый выезд на военный аэродром, где дождался специальный самолет, присланный за ней из столицы. Сугубо гражданский молодой человек ничего не понимал в происходящем: нервничал, сочувствовал, сопереживал. Потом напросился доехать до аэродрома с Анной и на всякий случай захватил свои вещи. Вдруг возьмут? Ему ведь тоже в Москву.

Взяли. После того, как Анна Воронеж лично обратилась к сопровождавшим ее мужчинам...

На Ленинградском шоссе, немного не доехав до МКАД, застряли в длинной пробке: несколько экипажей ГАИ перекрыли движение и стали тупо ждать проезда какого-то начальства.

Анна не то чтобы нервничала, просто она не любила и не выносила неопределенности. Не нравится ей и эта задержка посередине пути. Скорее бы встретиться с пригласившим ее загадочным человеком и разрешить все недоразумения.

Беспрестанно поглядывая на часы, она достает из сумки справочник и, открыв на заложенной страничке, пытается читать...

От чтения отвлекает кортеж, пронесшийся в попутном направлении с включенной сиреной и синими маячками.

– Забавный прогресс, – шумно хлопывает она технический фолиант. – Раньше придворные шуты бегали с бубенчиками, а теперь ездят с мигалками.

– Думаю, это не все, – тоскливо смотрит на забитую машинами дорогу провожатый фээсбэшник. Кого-то ждут по встрече...

Встречного упыря пришлось ждать гораздо дольше. Анна выбрасывала в открытое окно второй окурочок, когда в нескольких метрах с важной неторопливостью прокатил одинокий черный автомобиль представительского класса с неизменным атрибутом власти – синим маячком на крыше. Подобным пренебрежением к тысячам ожидавших людей возмутился даже Симонов:

– Какая все-таки наглость!

Молодая женщина с грустью глядит вслед удалявшейся машине:

– А ты знаешь, кто это?

– Понятия не имею, – обиженно бурчит он.

– Наслаждайся публичным зрелищем – это новый вид «галерных рабов» из тех, что сидят сверху и гребут к себе. Представитель очередной волны великой русской эмиграции.

– Про рабов понятно – слышан. Им так тяжело работать, что добровольно из власти – только вперед ногами. А какое они имеют отношение к эмиграции?

– Самое прямое: им до поры на все наплевать. Они живут в своем милом обустроенном и уютном мирке; прикидываются, что работают, а на самом деле воруют, обманывают, жируют... А когда доведенный до ручки народ возьмется за дубины и вилы – дружную толпой побегут до городу Парижу. Там наворованное благополучно пропьют и примутся тосковать по навеки утраченной великой Родине: сочинять стишки о белых березках и петь романсы про необъятную русскую ширь, – устало вздыхает Воронец. – Господи, не было б среди нас этой мрази – не случилось бы и потрясений вроде Октябрьского переворота...

Слушая сии вольные речи, Симонов испуганно косит глаз на фээсбэшника. Но тот, криво усмехнувшись, молчит. Видать, и многих из них достала вседозволенность и безнаказанность власть имущих.

Многорядный поток постепенно приходит в движение...

Пробившись сквозь Ленинградку, МКАД и Дмитровское шоссе, автомобиль доезжает до Отрадного. Короткая улочка с очаровательным названием Березовая Аллея. Машина тормозит напротив светлого институтского корпуса.

«На месте», – обернувшись, без слов объявляет фээсбэшник.

Молодой человек суетливо хватается за сумку. Покидая салон, жалостливо просит:

– Анна Аркадьевна, пожалуйста, позвоните мне. Позвоните, как освободитесь, хорошо?..

– Постараюсь, – холодно кивает она. – Удачи тебе, Симонов...

* * *

– Нет, телеметрию расшифровать не успели, – отвечая на вопрос Анны, произносит седовласый пожилой мужчина и подходит к карте. Трижды он тычет тонкой указкой вдоль северных границ Российской Федерации и монотонно продолжает: – В этих точках находятся наземные станции слежения за испытательными пусками из акваторий Белого и Баренцева морей. А на морских участках траектории... – указка скользит по голубой краске, – дежурят научно-исследовательские суда Министерства обороны.

«Это мне давно известно, – устало думает Анна. – Пора перейти к конкретике».

Сегодня она впервые увидела Сергея Сергеевича. До этого ей дважды передавали его распоряжения, один раз довелось поговорить по телефону. Проходя лабиринтами здешних коридоров, она попробовала возмутиться:

– Послушайте, я могу узнать, к кому вы меня ведете?!

– Нет, – отрезал молчаливый проводник. – Все, что вам нужно знать, это имя – Сергей Сергеевич. Остальное он объяснит сам. Если сочтет нужным...

Вот так. Ни больше ни меньше.

Подчиняясь ее мысленной просьбе, руководитель одного из подразделений ФСБ (так он себя назвал) торжественно обводит северо-восточную область моря Лаптевых:

– Ваше детище – третья ступень «Молота», уважаемая Анна Аркадьевна, – изволило исчезнуть с радаров станций наблюдения где-то здесь.

Анна подается вперед:

– В нейтральных водах?

– Совершенно верно – район за пределами наших территориальных вод, и его, разумеется, имеет право пересечь судно любого государства.

– А поиски?.. Поиски ведутся?

– Только с воздуха – самолетами дальней авиации. Но уже сегодня с командованием флота согласован срочный выход в район большого противолодочного корабля «Адмирал Никоненко». А пока вы летели сюда из Северодвинска, в северо-восточную часть моря Лаптевых отправилось научное судно «Академик Антонов».

– «Академик Антонов»... – массирует пальчиками виски Воронец. – Кажется, это судно оснащено аппаратурой слежения за испытательными пусками...

– У вас хорошая память, – кладет указку Сергей Сергеевич. – Оно приписано к порту Тикси и действительно выходит в море Лаптевых для наблюдения за пусками ваших ракет. Именно «Антонов» зафиксировал неполадки третьей ступени и оказался ближе других к району падения. Думаю, завтра на рассвете судно будет на месте.

Анна пристально глядит на мужчину, понимая, что наступил момент истины, ради которого и происходит эта удивительная встреча.

Возвратившись в кресло, тот буднично произносит:

– Вы не могли бы выполнить еще одну нашу просьбу?

Вот он – момент истины.

– Говорите.

– Нам нужна ваша помощь. Там... в море Лаптевых.

– В опознании тела?

Лицо Сергея Сергеевича расплывается в довольной улыбке.

– Мне всегда нравились умные женщины. Метко замечено: в «опознании тела». Да, Анна Аркадьевна, вы отлично знакомы с третьей ступенью – это же детище вашего инженерного коллектива. И вам будет проще других определить ее обломки среди подводного хлама.

С языка едва не срываются резкие возражения. Дескать, почему бы для командировки не подобрать кого-то из мужчин? И неужели все дно этого долбаного моря усеяно обломками ракет?!

Но она умеет сдерживать эмоции. И не только сдерживать, а давить их в зародыше быстрой, безукоризненной логикой. Буквально через секунду возражения исчезают. Старик прав: по полигону Кура шмаляют ракетами более пятидесяти лет; за это время полигон принял пять с половиной тысяч боеголовок. А сколько их не долетело?.. Появляется идея и по поводу мужчины, знающего третью ступень не хуже ее...

– Итак, вы согласны?

– Да, – вздыхает Воронец, – согласна. У меня к вам просьба.

– Да-да, конечно.

– Хотелось бы иметь рядом еще одного специалиста, знающего предмет поиска не хуже меня.

– Это несложно обеспечить. Назовите фамилию.

– Симонов. Александр Анатольевич Симонов.

– Молодой конструктор из Московского институт теплотехники? – подозрительно щурится фээсбэшник.

– Делая ударение на слове «молодой», вы намекаете...

Тот энергично отмахивается:

– Будет вам, ей-богу! Во времена социализма мне пришлось бы об этом спросить, а сейчас ваша личная жизнь заинтересует разве что желтую прессу. Молодость Симонова мной упомянута исключительно из сомнения в его опыте.

– Меня связывают с этим человеком только служебные отношения, – настаивает Воронец, четко проговаривая каждое слово.

– Хорошо-хорошо, Анна Аркадьевна. Прошу меня извинить.

– Просто Симонов – очень толковый конструктор.

– Что ж... Коль вы в нем уверены – пожалуйста, возражений нет.

– Когда самолет?

– «Адмирал Никоненко» направляется полным ходом в северо-восточную часть моря Лаптевых. Так что ваш вылет дня через три.

– Через три?

– А чего там раньше-то делать?

– Где делать? И-и... куда, простите, вылет?

– В Тикси, милая, в Тикси. В тех краях на тыщу верст ничего, кроме Тикси...

Глава пятая

Норвежское море

Мы, пловцы «Фрегата», оккупируем просторную вертолетную площадку. Распаковываем багаж, извлекаем самую теплую рабочую одежду, так называемые «сухари» – гидрокombineзоны-мембраны «сухого» типа, полностью изолирующие тело и обеспечивающие длительное пребывание в холодной воде. Многие подводники их недолюбливают из-за непростой процедуры надевания. Но, как говорится, здоровье дороже, ибо переохлаждение под водой бесследно не проходит. Это факт. Наши импортные комбинезоны обогрываются с помощью носимой на боку аккумуляторной батареи, питающей небольшие эластичные элементы, спрятанные под ближайшим к телу слоем ткани. Вспотеть данная система не позволит, да и прилично работает минут тридцать, от силы – сорок. И все же в ледяной воде помогает. Главное, не забыть перед погружением установить в герметичном кармане свежую батарею.

Да, к сожалению, канули в Лету времена, когда мы с гордым удовольствием использовали отечественное снаряжение. Увы, разработка и производство родной «снаряги» безнадежно отстают. Приходится довольствоваться раритетами или покупать передовые образцы у французов, немцев, итальянцев. А жаль, ведь некоторые из наших «штучек» до сих пор остаются непревзойденными по тактико-техническим данным. Даже при всей их неказистой топорности.

Ладно, хватит о грустном.

Подготовка идет быстро, ибо делом мы всегда занимаемся молча и ни на что не отвлекаемся. Все разговоры и шуточки будут позже – когда отработаем и соберемся на палубе. Мокрые, довольные. И живые.

Вначале осматриваем и готовим наши ребризеры (re-breathe – повторный вдох) замкнутого цикла с электронным управлением. Это дорогостоящие и самые незаметные дыхательные аппараты типа «CCMGR» (Closed Circuit Mixed Gas Rebreather), в которых углекислый газ, выделяющийся в процессе дыхания, поглощается химическим составом регенеративных патронов. Далее смесь обогащается так называемой «донной смесью» (кислородом с дилуэнт-ом, содержащим воздух или нитрокс; чаще смесь на основе гелия) и снова подается на вдох. Хитрость и дороговизна аппарата обуславливаются наличием маленького микропроцессора, дозирующего кислород в зависимости от глубины, за счет чего происходит эффективная и быстрая декомпрессия. В нижней части ребризера предусмотрено местечко для двухлитрового резервного баллона с обычной воздушной смесью. Этот баллон, в шутку называемый «парашютом дайвера», предназначен для аварийного всплытия с глубины пятнадцать-двадцать метров.

Мои орлы разбиты на три смены – по две пары в каждой. График обычный: одна смена отдыхает после погружения, вторая работает, третья в готовности. Сейчас на глубину собирается первая смена во главе с опытным Гришей Устюжаниным. Второй командует Борис Белецкий – ему тоже опыта не занимать. Третью оставляю себе.

Задачи первопроходцев Устюжанина – уйти на глубину, проверить придонное пространство и просигналить о результатах проверки. Если внизу чисто, настанет черед британских кладоискателей с их специальным оборудованием поиска и подъема ценностей.

Охрана подводных работ – дело для боевых пловцов незатруднительное, рядовое. Однако и его надлежит исполнить качественно. Под водой вообще расслабляться нельзя, особенно в таких северных широтах, где температура воды даже летом не поднимается выше двенадцати градусов.

Между тем возвращается наш катер. По боковому трапу на палубу сторожевика поднимаются «пиджаки»; один из них направляется к нам и с минуту разглядывает черный костюм Устюжанина, проверяющего телефонно-микрофонную гарнитуру гидроакустической связи в

полнолицевой водолазной маске. Охраняющий наши шмотки Босс наострил уши и ворчит на непрошеного гостя.

– Сидеть, – успокаиваю пса.

Гость робко интересуется:

– Простите, кто главный в вашей команде?

Делаю шаг навстречу. Из вежливости представляюсь:

– Капитан второго ранга Черенков. Англичане передают нам бумажный привет в виде профильной и плановой распечатки?

– О, чувствуется, и вы, и они – настоящие профи, – удивленно улыбаясь, отдает он тонкую пластиковую папку с вложенными цветными листками. – Без переводчика разберетесь?

– Да, конечно. Все подводники разговаривают на одном языке. Спасибо...

С восхищением оглядываясь на разложенное по вертолетной площадке снаряжение, «пиджак» удаляется восвояси. А я показываю Грише профиль дна и рельефный план с расположением затонувшего судна и с указанием глубин.

– Угу, – кивает он и надевает маску.

Группа заканчивает подготовку к погружению в пришвартованной к борту сторожевика большой надувной лодке. В ней находятся только четверо пловцов и я – командир спуска.

Проверяю гидрокомбинезоны, подвесную систему, оружие. Особое внимание уделяю ребризерам: осматриваю целостность дыхательных мешков, шлангов, легочного автомата, байпасных клапанов и автомата промывки дыхательной системы; контролирую давление в заправленных баллонах и наличие свежих регенеративных патронов. Ужасно не люблю высокопарности, но от исправности и надежной работы всего вышперечисленного в буквальном смысле зависит жизнь боевого пловца.

Все в норме. Подаю Григорию последний элемент – этакий «символ власти» командира группы боевых пловцов – навигационно-поисковую панель, на цветном экране которой отображается великолепная картинка со сканирующего гидролокатора кругового обзора.

Хлопаю командира по плечу:

– С богом!

* * *

Благодаря теплomu течению температура воды в Норвежском море в это время года держится на уровне плюс одиннадцать градусов. Не самый худший вариант из тех, что нам доводилось испытывать на собственной шкуре. Многослойные гидрокомбинезоны мембранного типа в сочетании с толстым шерстяным или тинсулейтовым нательным бельишком неплохо спасают от холода, но чертовски затрудняют движения. В них, по сравнению с легкими костюмами из неопрена, мы чувствуем себя такими мужичками в овчинных тулупах...

Вода, как мы выражаемся, чище анализов младенца. Взвеси – планктона и неорганики – практически нет; горизонтальная видимость близка к идеалу и составляет около шестидесяти метров.

Работаем весь день. Бригада британских кладоискателей копошится на глубине шестидесяти метров у лежащего на боку и вросшего в ил погибшего судна. Подводники работают в новом водолажном снаряжении яркой черно-желтой расцветки; великолепные бенд-маски, отличные ласты. Подача воздуха ведется через надежные кабель-шланговые связки от компрессора, установленного на палубе «Одиссея», при этом у каждого за спиной имеется небольшой резервный баллон с гелиево-воздушной смесью для аварийного всплытия. Один водолаз елзит по дну с «пылесосом» – засасывающим илистый грунт «хоботом»; другой заправляет штангой с двумя мощными прожекторами, ввиду того, что свет с поверхности сюда почти не доходит; трое отыскивают и собирают тускло поблескивающие слитки. Найденное золото

помещается в две специальные корзины, снующие от поверхности до дна. Длинный хобот системы грунтоотсоса тянется метров на тридцать к востоку и присоединяется к мощной водяной помпе. Мерно гудящая помпа вышвыривает из себя темную тучу мелкого ила, медленно относимого дальше на восток слабым океанским течением.

Двумя парами кружим над останками затонувшего судна.

Мы находимся выше британцев метров на двадцать – на самой удобной для наблюдения «высоте». Почему так? Во-первых, вкупе с удивительной чистотой Норвежского моря это расстояние позволяет обозреть гораздо большее пространство. Во-вторых, мы не мешаем кладоискателям, они не мешают нам. А в-третьих, на глубине до пятидесяти метров наши инжертормно-регенеративные аппараты с гелиево-кислородной дыхательной смесью работают вдвое дольше.

Навигационно-поисковая панель постоянно включена – вокруг ни одной посторонней души. Связь тоже в порядке. Наверху обстановка спокойная: ни кораблей норвежской береговой охраны, ни патрульных самолетов. Надолго ли?

Постепенно меняются смены британских пловцов, меняемся и мы...

Поиск и подъем золотого груза проходят успешно. Около девяти часов вечера работы прекращаются – уставшим пловцам требуется отдых. Мы все еще избегаем общаться по радио, поэтому делегация «пиджаков» вторично отправляется на борт «Одиссея». И на этот раз совещание длится более часа.

Вернувшись, мидовцы озвучивают следующую весть: за первый день найдено и поднято на поверхность около сорока процентов перевозимого затонувшим судном золота. Для завершения подъема драгоценного металла в течение следующего дня потребуются начать работы не позднее шести часов утра.

Попрощавшись, суда расходятся – незачем провоцировать норвежских погранцов. «Одиссей» берет курс на северо-запад, «Стойкий» – на северо-восток. Ровно через семь часов мы обязаны встретиться в этой же точке...

* * *

Раннее утро следующего дня. Бледное солнце движется почти параллельно горизонту – от восточного сектора к южному. Воздух прохладен, море удивительно спокойно – ни ветра, ни высокой волны.

«Одиссей» в полукабельтове от нас, на борту кипит работа. Готовимся и мы, в точности повторяя вчерашний план: боцманская команда занимается спуском на воду катера и надувной лодки; первая смена во главе с опытным Гришей надевает поверх теплого белья черные гидрокombineзоны. В начале шестого две пары боевых пловцов уходят под воду...

На краю вертолетной площадки нами оборудован надводный узел гидроакустической связи: на «баночке» покоится цифровая станция – чемоданчик, чем-то смахивающий на ноутбук. Незаменимая в нашей работе и в то же время довольно простая вещица, имеющая встроенный динамик, микрофон на витом шнуре и погружаемый в море кусок провода – антенну. Подобную станцию можно запросто прикупить в магазине, торгующем снаряжением для дайвинга. Однако наше оборудование в обязательном порядке проходит экспертизу и доработку в техническом отделе Департамента ФСБ.

У станции дежурит молодой старлей Фурцев.

– Порядок, командир, – кричит он, получив доклад с глубины.

Я дублирую сообщение вахтенному, тот семафорит британцам.

На «Одиссее» приступают к спуску оборудования. Одновременно с ним под водой исчезают пять водолазов.

Первые признаки грядущих неприятностей проявляются к полудню. Я готовился возглавить третью смену, когда на вертолетной площадке появляется Лоцманов.

– Евгений, у нас проблема, – заговорщицки сообщает он, подойдя вплотную.

– Что, поршня полетели? Я ж вас предупреждал: никогда не заправляйтесь в «ЛангепасУрайКогалымнефть»!

– Где?.. – изумленно приоткрывает рот комбриг.

– В «ЛУКОЙЛЕ», темнота. Ладно, шутки в сторону. Что за проблема?

– Радиолокационный пост общего наблюдения доложил о двух надводных целях, приближающихся к нашему району. Скорость – тридцать узлов.

– Далеко?

– В ста километрах к западу.

– Через два часа будут здесь... – чешу затылок. – И каково же, Юра, твое решение?

– Свяжусь с англичанами. Проинформирую и спрошу, сколько им еще ковыряться.

– Я тебе и без них скажу: до вечера как минимум.

– Много осталось?

– Прилично. Слитки высыпались из разбитых ящиков, потому британцы и возятся. Ладно, пора менять парней. Благодарю за информацию.

– Не за что. Повнимательнее там.

– Мы всегда внимательны. Свистни вниз, если что...

Медленно, экономя силы и дыхательную смесь, парим над британцами. Я внимательно всматриваюсь в окружающую нас черноту и частенько поглядываю на экран поисковой панели, где четко отображается позиционирование каждого пловца и каждого подводного объекта с указанием дистанции, пеленга, геометрического размера, высоты расположения от грунта. Уникальная штука. Жаль, дальность сканирования маловата – всего до одной сотни метров.

Вокруг спокойно. Бригада из пяти профессиональных кладоискателей работает в привычном для себя режиме. Мы, как и прежде, кружим на удобной для нас «высоте». Прямо под нами иногда вспыхивают желтые искорки – это поблескивают в лучах мощных прожекторов глянцевые бока слитков. В стороне зловеще темнеет столб выбрасываемого помпой грунта...

Настораживающая новость приходит сверху минут через сорок с момента нашего погружения.

– «Скат», я – «Ротонда», – напоминает о себе Устюжанин по гидроакустической связи.

Позывной «Скат» всегда присваивается старшему находящейся под водой смены. Если работают две смены – «Скатом» остается смена, работающая на глубине, а та, что выше, зовется «Барракудой». «Ротонда» неизменна и непотопляема, ибо она всегда стоит на берегу.

Отвечаю Георгию:

– «Ротонда», «Скат» на связи.

– Как у вас?

– Нормально. Работаем по плану.

– Понял вас. А к нам «Орион» пожаловал.

Понятно. Патрульный противолодочный самолет «Орион» просто так не появится. Его визит вкупе со спешащими к этому району двумя военными кораблями недвусмысленно намекает о намерении норвежцев выяснить причину присутствия в их экономической зоне чужаков. Что ж, пусть выясняют. Надеюсь, Юрий связался через «пиджаков» с британцами, и те ускорили подводные работы.

Впрочем, они и так перепахивают дно Норвежского моря без перекуров...

* * *

Внизу работает вторая смена моих ребят под командованием опытного Белецкого. Быстро перекусив, сижу на «баночке» перед станцией связи; в одной руке микрофон, в другой бинокль.

«Стойкий» в циркуляции – постоянно маневрирует, не позволяя норвежцам приблизиться к неподвижному «Одиссею». Едва их корабли подошли на приемлемую дистанцию, мы просигналили: «Устраняем неисправность. Помощь не требуется».

Но они же не идиоты. Летчики «Ориона» отлично видели повернутую вбок стрелу крана «Одиссея», уходящие под воду тросы, электрические кабели и шланги. И аккуратно разложенное снаряжение на вертолетной площадке сторожевика. Теперь все это лицезреют моряки фрегата «Руаль Амундсен» и патрульного корабля ледового класса «Анденес».

Надводное противостояние длится около часа.

Норвежцы стараются втиснуться между нашими судами и, видя, что это не получается, вопят в эфир, пугают санкциями и грозно вращают маленькой орудийной башенкой. Нам не страшно, потому что мы ничего и ни у кого не воруем – мы забираем свое. Да и калибр наших орудий побольше норвежских.

В конце концов упрямые скандинавы объявляют на кораблях тревогу и начинают готовить к погружению своих пловцов.

Та-ак. Работать становится интересно.

– Третья смена, срочное погружение! – команду парням и сажаю на связь молодого Фурцева.

– Евгений Арнольдович, – канючит тот, – позвольте и мне в воду – я ведь со вчерашнего дня с вами в одной смене!..

Действительно, чего парня мариновать? Он хорошо подготовлен, голова хоть и медленно, но соображает. Пусть учится в боевых условиях.

– Быстро одевайся!

Свободная смена помогает облачиться в тяжелое снаряжение, пристроить на груди перезаряженные дыхательные аппараты, надеть маски. Каждый проверяет свой «АПС» – надежный автомат для стрельбы под водой. Аналогов в мире ему практически нет. Легкий, небольшой, с выдвижным прикладом, с приличной емкостью магазина и хорошей дальностью действия – на малой глубине насквозь прошивает аквалангиста с расстояния в тридцать метров. Дальше и не надо, потому как тридцать метров для большинства водоемов планеты – предел видимости. При крайней необходимости способен вести огонь и на берегу, но злоупотреблять этим не стоит – ресурс для такой стрельбы всего две сотни выстрелов.

Готовая к погружению смена сходит по трапу в надувную лодку, где осталось нацепить ласты и пройти у командира спуска последний контроль. Надувная лодка просторна и рассчитана на восемь вооруженных бойцов с полной экипировкой.

– Снаряди на всякий случай одну из своих пар, – даю крайние наставления Устюжанину. – Белецкому я сообщу. И слушай глубину...

Норвежские корабли стоят с южной стороны. Оба ошетинились стволами и готовы к бою – кажется, будто они решили заслонить своими телами родное побережье от российско-британского вторжения.

Белецкому с одним из напарников я приказываю не дергаться, быть возле бригады водолазов и внимательно наблюдать за южным сектором. Вторая пара его смены поднимается к нам с навигационно-поисковой панелью. Да, к сожалению, панель всего одна. Давно прошу начальство обеспечить нас резервной, но, видимо, придется сбрасываться и покупать самим.

Теперь нас шестеро, мы растянулись во фронт и ждем появления противника...

– Я – «Ротонда», объявляю «сирену», – раздается в гарнитуре спокойный голос Устюжина. – Объявляю «сирену». «Барракуда», их около десятка.

– Я – «Барракуда». Информацию по «сирене» принял, усилил внимание. Ждем...

Команда «сирена» для боевых пловцов равносильна объявлению тревоги в сухопутных частях Вооруженных сил. Команда объявляется командиром спуска или любым бойцом группы и означает появление поблизости «чужих» – подводных сил противника. Реакция личного состава на команду «сирена» обычна и вполне естественна: полная осмотрительность и готовность к применению оружия.

Ага, вижу отметки на экране – гидролокатор кругового обзора четко позиционирует группу неизвестных пловцов. Четыре, шесть, восемь...

Впрочем, количество значения не имеет. Хуже всего то, что они стремительно погружаются, словно знают о происходящем на дне. Уверен: пока не знают. Просто у них имеется схожее снаряжение, позволяющее видеть нас.

– «Ротонда», я – «Скат», работа почти закончена. Бригада поднимает последнюю корзину и сворачивается, – докладывает Белецкий. – «Барракуда», вам нужно продержаться минут десять.

Славная новость.

– «Скат», я – «Барракуда». Постараемся задержать чужих на десять минут.

Корректирую направление – идем наперерез и устанавливаем визуальный контакт. Норвежцы тоже нас замечают.

Мы находимся на одной глубине. Друг против друга.

Между нами метров десять-двенадцать. Их восемь. Нас шестеро.

На скандинавах такие же костюмы и схожие по внешнему виду дыхательные аппараты. Зато из оружия, не считая обязательных ножей, видны лишь короткие пистолеты, с дальностью стрельбы на приличной глубине не более семи-восьми метров. Их не сравнить с подводными автоматами, способными дырявить противника даже на предельной глубине.

Мы на пути норвежцев, и они в нерешительности замедляют движение. «Стоим на ластах» друг против друга – работаем ногами, сохраняя неизменность позиции, но при этом имеем возможность смещаться в любую сторону.

– Игорь, возьми у меня панель, – обращаюсь к молодому Фурцеву. – Двигай в сторону и ниже метров на десять.

– Зачем?

– Не перебивай, а слушай и выполняй! В случае рукопашной заварухи будешь пресекать их попытки прорваться к британцам короткими заградительными очередями. Усек?

– Так точно, командир.

– Только не перестарайся. Трупы нам ни к чему.

Фурцев поспешно забирает панель и исчезает...

В душе я надеюсь на мирный исход, но заваруха все же начинается, когда шестеро скандинавов устремляются на нас, а двое под шумок уходят вниз. Мы имитируем схватку, стараясь оказаться за спинами оппонентов. Имитируем, но на прямой контакт не идем – на сей счет парни получили от меня строжайшие указания.

Норвежцы отвечают той же любезностью: крутятся скользкими угрями, избегая соприкосновения.

Занимаясь подводной акробатикой, изредка поглядываю на Фурцева. Он аккуратен в исполнении приказа: следит за парой пловцов и постепенно сближается с ними...

– «Ротонда», я – «Скат». Британцы закончили работу, – вновь гудит по акустике Белецкий. – Поднимают оборудование. Сопровождаю подъем бригады...

– Ясно, «Скат». Не отходи от них ни на шаг. Мы сдерживаем шестерых...

Звучит короткая очередь щелчков-выстрелов. Под водой, из-за большой плотности среды, практически невозможно определить направление на источник звука. Но мне и так понятно, что стреляет Фурцев. К тому же далеко под нами появляются росчерки от стремительного движения длинных стреловидных пуль.

– «Скат», поторапливай бригаду, – прошу Белецкого после второй серии выстрелов Фурцева.

– Да-да, тут слышно, как вы постреливаете. Мы уже в пути...

Слева что-то блеснуло. Замечаю в руке одного из норвежцев нож. Это плохо.

Несколько мощных движений телом, и я оказываюсь рядом. Кружась, он пытается подобраться к спине одного из моих парней. Подобное поведение нужно пресекать жестко и без лишних международных церемоний.

Выбрав момент, резко и без замаха бью автоматом в резиновую окантовку маски. Бью массивным автоматным затыльником, так как у нашего АПС вместо нормального приклада – выдвижная конструкция. Это старый испытанный прием, необходимый для кратковременного вывода противника из строя. Ему немножко больно, возможно, на пару секунд он даже лишился сознания и пространственной ориентации. Но я все равно чувствую себя гуманистом. Сейчас он успокоится и спрячет нож; заняв вертикальное положение, прижмет руками ко лбу верхний край маски и слегка отогнет нижний; выдохнув воздух носом, вытолкнет набравшуюся под маску воду. И с сегодняшнего дня непременно станет умнее и сдержаннее.

– Командир, оборудование у поверхности, – докладывает Белецкий. – Бригада поднимается. Плохо, что связи с ними нет. Четверых вижу, один где-то застрял...

– Понятно. Сейчас глянем.

Длинная автоматная очередь заставляет интенсивно крутить головой...

Судя по вееру светлых росчерков от свинцовых стрел, стреляют опять вниз. И делает это, естественно, Фурцев – больше там никого из моих орлов нет и быть не может. Но в голове один за другим рождаются вопросы. Какого черта он безалаберно расходует боеприпасы? А главное – зачем он вообще стреляет, если пара настырных норвежцев, передумав проверять дно, возвращается к общей группе?

– Фурцев! Фурцев! – ору в микрофон гарнитуры. – Фурцев, ты меня слышишь?!

Тишина. Вместо молодого Игорька оглушает доклад Устюжанина:

– Я – «Ротонда». «Одиссей» приступил к приему оборудования на борт.

– Что с бригадой, «Ротонда»?

– Четверых наблюдаю.

– Четверо, – подтверждает Белецкий. – Пятого нет.

Черт! Что за фортели выкидывают англичане?!

На всякий случай оставляю группу присматривать за норвежцами, а сам устремляюсь на глубину с явным предчувствием чего-то мерзкого. Посмотрим, надежно ли пашет мой «шестереночный механизм»...

Британца не видно, зато метрах в двадцати пяти от дна нахожу Фурцева. Парень завис в вертикальном положении неподалеку от еле заметных контуров кормы затонувшего судна и, медленно перебирая лапами, смотрит куда-то в сторону. Мое удивление усиливается: в руках Игоря нет навигационно-поисковой панели, нет и автомата.

Подплыв к нему, осторожно касаюсь плеча.

Игорь шарахается и «включает панику» – неистово работает конечностями, стараясь поскорее всплыть. Подобный психологический срыв на большой глубине опасен. Если человека не привести в чувство – срыв закончится его гибелью или баротравмой с жуткими последствиями.

Хватаю Фурцева за костюм, «ставлю» перед собой на расстоянии вытянутых рук, дабы случайно не повредил мой дыхательный аппарат, и приказываю знаком: «Замри! Не двигайся!»

Система подобных знаков имеется в каждой команде боевых пловцов, аквалангистов, водолазов и дайверов. Это продиктовано жизненной необходимостью, ведь под водой не всегда бывает надежная связь.

Знак не с первого раза, но срабатывает – Игорь меня узнаёт.

Успокаиваю, похлопывая по плечу и одновременно зову по имени, пытаюсь наладить связь. И вдруг замечаю отсутствие на гидрокомбинезоне черно-желтого приемопередатчика; из-под маски сиротливо болтается провод с разъемом от гарнитуры.

Так вот почему он молчит! Интересно, кто ж его так ловко обчистил?

Осматриваю придонный слой в поисках пропавшего британца. Никого. Ни единой живой души.

Меж тем старлей приходит в себя и настойчиво указывает на северо-восток. Всматриваюсь туда, где еще недавно высился столб ила, выбрасываемого из жерла мощной помпы...

Что за черт?! На одной с нами глубине и на самой границе видимости чернеет нечто большое, непонятное. Будто округлая корма еще одного лежащего на боку судна. Но никакого судна здесь не было – провалиться мне на этом месте! Мы ходили над британцами большими кругами и осматривали каждый квадратный метр!..

Меня охватывает странное и весьма неприятное ощущение. Кажется, помимо нас, британцев и норвежцев, здесь присутствует еще кто-то.

Глава шестая

Море Лаптевых

Накануне очередного испытательного пуска баллистического «Молота» судно «Академик Антонов» вышло из порта Тикси и, прошлепав вдоль многочисленных шхер и изрезанного протоками полуострова, отдало якоря в сорока милях от берега. Половину всей площади моря Лаптевых составляют ерундовые глубины до пятидесяти метров, а южнее семьдесят шестой параллели они не превышают и двадцати пяти. Резкий свал глубин наблюдается у северной границы моря, где заканчивается пологая материковая отмель и начинается океанское ложе. По этой банальной причине у бороздящих здешние воды моряков проблем с поиском стоянки не бывает.

Судовой экипаж «Антонова» состоял из десяти человек, научный состав – из восьми «ракетчиков»: инженеров телеметрической аппаратуры, операторов Телексного терминала, РЛС и прочего люда, причастного к запускам и пролетам баллистических ракет в сторону Камчатки.

Множество раз относительно небольшое судно, оснащенное средствами слежения за испытательными пусками, загодя становилось приблизительно в одном и том же месте – в ста двадцати милях севернее Тикси. Дело в том, что именно над этим местом на большой высоте пролетали ракеты, выпущенные с акватории Белого моря по камчатскому полигону Кура. Правда, пролетали они в том случае, если не взрывались сразу после старта или где-то на начальных этапах полета. Чего греха таить – случалось и такое.

Вот и на этот раз произошел сбой. Первые две ступени отработали штатно; третья запустилась, но не включился в работу командный блок управления маневрированием, из-за чего где-то над Таймыром ракета начала сходиться с траектории и в конце концов упала в северном районе моря Лаптевых.

Команда «отбой» для всех судов и станций наблюдения обычно поступала в течение первого часа с момента успешного поражения боеголовками целей на полигоне Кура или после неудачи на одном из этапов полета. Ждали эту команду и на борту «Академика Антонова». Однако вместо нее по каналу спутниковой связи пришло распоряжение сняться с якоря и направиться в северо-восточный район моря Лаптевых. Что ж, и такое развитие событий предусматривалось судовыми обязанностями сборного экипажа – иногда приходилось отправляться на поиски упавших частей ракеты.

* * *

Судно прибыло точно в тот район, над которым в последний раз видели эту чертову третью ступень «Молота». Поиск – работа несложная, но нудная и неприятная, если учитывать беспокойную погоду и осточертевшую всей команде качку. В ходовой рубке помимо капитана и вахты постоянно дежурят два члена экипажа с мощными морскими биноклями. На испещренной волнами поверхности крайне трудно заметить небольшой предмет. Тем не менее приходится часами разглядывать серое море, сплошь покрытое белыми бурунами.

На исходе третьих суток уставший народ чертыхается: а что мы, собственно, ищем? Много ли в кишках баллистической ракеты деталей с положительной плавучестью?..

С тяжелым сердцем капитан Брагин – тучный дядька с рыжей скандинавской бородкой – соглашается снять вахту визуального надводного поиска. При этом приказывает продолжить изучение дна с помощью современного эхолота-карт-плоттера.

Эхолотом судно оборудовали сравнительно недавно – пару лет назад при прохождении капитального ремонта на судостроительной верфи. Примерно тогда же в команду поступил

молодой штурман по имени Алик – щупленький, любознательный парень с густой светлой шевелюрой. На него-то капитан и возложил обязанности по эксплуатации новой импортной штуковины с широким цветным дисплеем. Тот не возражал и разобрался с аппаратом на удивление быстро: дотошно изучил инструкции, установил в эхолот российские карты «Navionics», протестировал на всех режимах... А позже настолько увлекся работой с эхолотом, что начал составлять карту покоящегося ракетного хлама на дне моря Лаптевых.

– Молодец, Алик, – нужное дело! – прогудел искусственным басом Брагин. – У меня в гараже всегда бардак был – каждый инструментик приходилось по полчаса разыскивать. А с тех пор как соорудил стеллажи и разложил все по полочкам – горя не знаю.

К сегодняшнему дню «карта морских сокровищ» (так величали ее на «Антонове») представляла собой сплошь испещренное метками поле. Простыми метками без лишних подписей, ибо Алик не стал усложнять задачу выяснением, что представляла собой каждая метка в прошлой жизни. Он тупо руководствовался принципом стрелковой мишени: все старые, отмеченные маркером дырки не интересуют; ищем только новые.

И экипаж ищет. Час за часом, квадрат за квадратом. Если на экране эхолота медленно появляются очертания лежащих на дне предметов, Алик первым делом сверяется с картой: имеются в этом месте отметки – значит, обломки старые, придется продолжить поиск; нет отметок – да здравствует свежая находка!

Наступает момент, когда исчезает последняя призрачная надежда. «Академик Антонов» изрезал галсами предполагаемый район падения третьей ступени вдоль и поперек. Ровным счетом ничего. За семьдесят часов экипаж не заметил ни одного плавающего на поверхности предмета, а Алик не обнаружил на дне ни одного нового объекта. Зато на экране РЛС общего обзора постоянно маячит отметка небольшого надводного судна, торчащего на северной границе моря Лаптевых – недалеко от края пологой материковой отмели.

Высокое московское начальство регулярно выходит на связь через спутник – треплет нервы капитану «Антонова», требует результат. И тот намеренно корректирует курс, чтобы сблизиться с неизвестной посудинкой. Чем черт не шутит – вдруг кто-то из команды видел точку падения «Молота»?..

Посудинкой оказывается заурядный двухпалубный траулер «Aquarius» под «удобным» и весьма распространенным в рыболовецком и торговом флотах либерийским флагом. Около часа «Антонов» осторожно приближается к стоящему на якорях судну и пытается «достучаться» до рыбаков по радио и с помощью световых сигналов.

Глухо.

Тогда Брагин сам встает к штурвалу и ведет судно на сближение с подветренной стороны. Его не интересует причина, ради которой «Аквариус» торчит в нашей экономической зоне. Не интересует, почему он несколько суток стоит на мелководье шельфа у края котловины Нансена. Ему требуется узнать самую малость: не довелось ли морякам «Аквариуса» заметить подозрительных явлений в небе? И если довелось, то когда и где?

Расстояние между судами уменьшается до двух кабельтовых.

На палубе траулера никого. Второй помощник – высокий тридцатилетний мужчина в джинсах и толстом светло-коричневом свитере – не выпускает из рук микрофона – запросы летят в эфир один за другим. Алик приник к дисплею эхолота и пыхтит над настройкой его контрастности...

Дистанция один кабельтов.

– «Аквариус», я «Академик Антонов». Как меня слышите?

Никак. Тишина. Вахта в рубке траулера словно не замечает подходящее научное судно, либо этой вахты там попросту нет.

Море изрядно штормит – дальнейшее сближение судов опасно, но капитан решает уменьшить дистанцию до полкабельтова. С такого расстояния можно без оптики рассмотреть таке-лаж или узреть расстегнутую ширинку на форменных брюках штурмана.

И вдруг «Аквариус» просыпается: из надстройки на палубу выскальзывают пятеро рыбаков в ярких прорезиненных робах. Все одновременно оказываются у ближнего борта.

– Наконец-то! – обрадованно ворчит Брагин. Но тут же щурится и тянет руку к биноклю: – Погоди-ка!.. А что это у них в руках?

Внутреннее пространство рубки внезапно оглашается радостным воплем Алика:

– Товарищ капитан, вижу новую отметку!

– Господи!.. – не обращая внимания на штурмана, испуганно шепчет второй помощник. – Смотрите... У них гранатометы. Ручные гранатометы!..

Первые два взрыва проделывают огромные дыры в надстройке, калеча людей, выводя из строя управление и связь. Следующие заряды рвутся точно у ватерлинии. Машина на «Антонове» затихает, белоснежную рубку лижут языки пламени, корпус судна быстро дает угрожающий левый крен...

Рыбаки с «Аквариуса» бросают за борт использованные гранатометы и с унылым равнодушием взирают на гибнущий корабль. Спустя пять минут на поверхности остается лишь большое масляное пятно, несколько пустых бочек, деревянных ящиков, пара спасательных кругов и пятеро взывающих о помощи моряков.

У борта траулера появляется еще один человек – высокий сухопарый мужчина в фуражке и черном шерстяном свитере – по виду капитан или его помощник. Стремительной походкой он направляется к борту, неся на плече автоматическую винтовку.

Над штормящим морем раздаются короткие очереди – два десятка пуль дырявят темные бока бочек, и те уходят под воду. Человек в фуражке вставляет в приемное гнездо полный магазин и принимается хладнокровно расстреливать выживших моряков «Академика Антонова»...

* * *

Первый же гранатометный заряд разнес радиорубку российского судна, поэтому сигнала бедствия радист послать в эфир не успел. Тем не менее в Главном спасательном координационном центре место исчезновения «Антонова» было известно с точностью до относительно небольшого квадрата. Фокус состоял в том, что практически все современные суда оборудованы спутниковой навигационной системой, автоматически определяющей свои координаты с помощью трех-четырёх спутников и отсылающей полученные данные сразу в несколько адресов. Таким образом, данные оказываются у третьего помощника (штурмана) капитана судна, а также в Центрах оперативного управления, включая Главный спасательный координационный центр. Он-то и обеспечил точными координатами района организаторов масштабной поисковой операции, развернувшейся через несколько часов после исчезновения «Академика Антонова».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.